

Дем
Михайлов

ПЕРЕКРЕСТОК

ОДИНОЧЕСТВА

Часть 2

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Иллюстрация на обложке — *Елена Скиталец*

Михайлов, Дем.

М69 ПереКРЕСТОк одиночества. Часть 2 / Дем Михайлов. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-172132-9

Мечты сбываются — и не всегда это к лучшему.

Гниловозу больше не приходится скучать от сытой рутинной жизни — теперь его ждет ожесточенная борьба за то, чтобы просто пережить хотя бы еще один день, а при удаче бонусом к этому будет тарелка горячего супа и стакан жиденького чая.

Так стоило ли это того?

Ему и еще двоим удалось задолго до срока покинуть летающую тюрьму, но, как оказалось, там жилось куда спокойней и сытней. Здесь же все иначе... ведь мир внизу далеко не так радушен, как наивно грезилось из кокпита высоко летящего тюремного креста...

Вторая книга цикла существенно расширяет вселенную «Креста».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172132-9

© Михайлов Д., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ПРОЛОГ

— *Мой-то побойчее твоего будет! — В голосе стоящей по ту сторону невысокого забора старухи звучало неприкрытое удовольствие. — Давеча играют мой да твой у нас во дворе в мяч. Мой-то большой, крупный! Бух! Бух! По мячу раз за разом. Мячом о сарай как из пушки! Вот уж выкормила я так выкормила. Гордость берет. А твой сидит и смотрит, сидит и смотрит. Как птенчик квелый. За всю игру всего раз и ударил. И снова сел. И ведь еще и молчун! Мой-то внучек куда уж говорливей! С утра до вечера поет! Ты б своему попеняла — негоже таким тихим быть. Мой-то мужиком растет. А твой... — поняв, что слишком уж наговорила, старушка мелко перекрестилась. — Прости господи... ты уж не переживай. И твой вытянется да заговорит. Мож, и побойчее станет... Я уж как могла пыталась твоего вразумить. Да только он слушать вроде слушает, а сам мимо смотрит...*

Замолкнув, старушка решила перевести дух, выжидательно уставилась на бабушку. А та, медленно разогнув спину, оперлась о выглаженную ладонями рукоять таяпки и, глянув сначала на меня — сидящего с карандашом над дубовым поленом, — а затем на явившуюся хаятельную, наконец-то заговорила:

— Видела я вчера ту игру. Видела.

— Вот и я говорю! Мой по мячу бух! Бух! А твой сиднем сидит... и смотрит все исподлобья — будто завидует чему. А мой в чем виноват? В том, что родная бабушка души в нем не чаёт и каждый день пирогами да молоком потчует?

Словно и не услышав, бабушка продолжила тихо и неспешно говорить:

— Да только они ведь не в футбол играли, Матвеевна. Они мячом в городки играли. Сбивали стоящие у сарая чурки.

— Ну! Мой-то...

— Твой-то бьет и бьет. — В голосе бабушки добавилось жесткости, и говорливая старушка осеклась. — Бьет и бьет. Да все мимо. Мой же посидел, посмотрел. Потом встал, примерился и по мячу ногой вдарил. С одного раза все чурки и повалил. Так чего ж ему и дальше все бить и бить о стену? Пустой же говорливости касательно — а к чему нам такое горе? Молчаливый да приметливый, сил впустую не тратающий — как по мне, — вот будущий мужик. Ты, Матвеевна, меня знаешь. Поперед внука моего хаять не смей. И учить ничему не смей, а то наведаюсь к тебе в дом с этой тяткой и подлечу тебе спину.

— Да ты чего разъярилась... ты остынь...

— Ты трех сынов вырастила. И все тебя бросили. Дочка... разжиревшая корова, что два раза в год приезжает — весной внука оставить, а в конце лета забрать. Еще и деньги у тебя кланчит. Ну как? Довольна выводком цыплят родных? Хорошей воспитательницей им была? И видно, не хватило тебе, клуша... внуков так же растишь! Но то дело не мое. Моего не тронь! Слышала?!

— Да кому он сдался-то... ты остынь, остынь, говорю...

— Моего не тронь! — повторила бабушка. — Портить не дам! И сама пойми, наконец! В мужике не говорливость и суматошность пустая нужны. Да и ума палата ему ни к чему! Мужик деловитым быть должен! Думать о деле, делать дело, любить дело — вот это мужик! Неторопливый и обстоятельный! Сил впустую не тратающий! Но таково мое разумение. А ты живи как знаешь. Но моего внука языком ядовитым своим касаться не смей, клуша! Пошла отсюда!

— Да я...

— Пошла, говорю! И впредь чтобы не мой к твоему в гости ходил, а твой сюда пусть тащится! Геть! Пошла!

Бабушка топнула ногой, и сухонькую старушку как ветром сдуло. Опустив голову, я продолжил выводить жирную черную линию по ровно стесанному боку дубового полена.

— Получается?

Я молча кивнул и продвинул линию еще на сантиметр, почти завершив грубый контур будущего топорщица.

ПРОЛОГ

— Выбрасывай, — велела бабушка и ткнула рукоятью перехваченной тяпки в полено. — Что видишь тут? Трещина. А вот тут сучок. Это в баню снеси. А сам ищи новое полено — да выбирай с умом. Чтобы без сучков и трещин. И запомни: мужчина и суженую свою должен с умом выбирать. Бабу ладную. Без сучков и трещин. Чтобы по руке и по душе была. Понял?

— Понял...

— Иди. И не забудь — за баней капусту тебе полоть.

— Уже.

— Все три грядки?

— Да.

— Тогда дров к бане натаскай. Прихватило спину что-то — надо бы распарить ее хорошенько. Сделаешь? Не устал?

— Сделаю. Не устал...

ГЛАВА 1

— Я как подсек! Удилище выгнуло! Удочка трещит! Вот-вот сломается! Так я в воду! Удилище мягко на себя! Ох и помучился я тогда... но сазана вытащил, конечно. Рекордного! Положил его на травку у палатки, а сам глаз не отвожу — налюбоваться никак не могу! Красавец! Закурил, фляжку открыл. Только глоток сделал — и бах! В келье очутился... эх... Так вот и начался первый день моего сидения, — дребезжаще засмеялся древний старичок, именующий себя Данилычем. — Все сорок годков отмотал от звонка до звонка! Что ж уж теперь... так, как тебе, мне не повезло. Молодость на галерах прошла. Но я жив! Копчу небо помаленьку. А это главное, верно?

— Само собой, — с улыбкой кивнул я. — Главное — жить. Каждый новый день — уже победа.

— Ну ладно. Спасибо за шашки. Пойду кого-нибудь на сигаретку растрясу. А патроны... чего нет, того нет, Гниловоз. Уж не обессудь.

— Да чего там, — еще раз кивнул я. — Если узнаете, у кого они есть, и мне скажете — буду благодарен. Возьмите, Данилыч. Покурите.

Щелкнув серебряным портсигаром, я выудил одну сигарету из трех. Протянул старику. Пользы от старичка ноль. Только время мое потратил, рассказывая про свои рыбацкие будни.

— Ох, спасибо! — старик бережно принял сигарету.

Дальше последовал целый ритуал, за которым я наблюдал с интересом.

Сначала сигарета была осторожно опущена на каменный стол. Рядом поместили плоскую и длинную жестяную коробочку. В ней обнаружилась пустая пачка из-под сигарет «Золотая Ява» и газовая

зажигалка. Сигарета была перемещена в пустую пачку, жестянка тщательно закрыта «до щелчка» и убрана во внутренний карман старого заплатанного ватника. Встав, Данилыч церемонно склонил голову.

— Благодарю, молодой человек!

— Да не за что.

Проводив шаркающего старика взглядом, я вздохнул и медленно нарисовал крест на имени «Данилыч», вписанном в клетчатый блокнот, выменянный на сигарету без фильтра. Данилыча рекомендовали как одного из надежных источников информации. Но ни на один из моих вопросов он не дал толкового ответа.

Вот здешняя настоящая валюта — сигареты!

Курильщиков много, а курева не достать. Слова Данилыча «пойду кого-нибудь на сигаретку растрясу» можно смело принимать за фантазии. Не дадут. Разве что в обмен на услугу или ценную информацию. И старика я угостил исключительно из добрых побуждений и уважения к его глубокой старости — восемьдесят шесть годков Данилычу. Местный старожил. И настоящий долгожитель — в здешних условиях-то...

Зря я возлагал на него такие надежды.

Убрав блокнот в висящую на груди небольшую сумку, застегнул все молнии, ручку сунул во внутренний карман кожаной куртки. Встав, отправился на поиски следующего кандидата на роль информатора.

Вопросы у меня простые. Но многочисленные.

Кто продает или меняет патроны?

Кто продает или меняет огнестрельное оружие?

Кто знает тонкости охоты на медведей?

Чем опасны снежные черви?

Это лишь часть интересующих меня вопросов. Вот только ответов я получил маловато. Поболтать здесь был готов каждый второй. И с радостью. Но толку от их ответов мало. А если кто и сообщал что-то интересное, следующий собеседник моментально опровергал это утверждение и с пеной у рта доказывал свою правоту.

Час назад я узнал, что медведям надо стрелять промеж глаз. Там у них тонкая костяная перемычка, пуля легко пробьет ее и войдет в мозг. В защищенное толстенной шкурой жирное тело палить без толку — пуля завязнет в жиру, и мелкая рана только взбесит зверя.

А через полчаса жилистый безногий старик, завсегда Холла, долго смеялся, услышав, что медведям надо стрелять в голову. Отсмеявшись, старик покашлял, держась за грудь, выпросил у меня леденец, после чего сообщил, что стрелять в медведя глупо. Разве что из мощного оружия — тогда толк будет. А так ничего не найти лучше старой доброй рогатины и тяжелого топора. Остановливаясь зверя рогатиной, и пока кто-то держит — подбегаешь сбоку и наносишь пару сильных ударов топором по хребту. После чего можно спокойно добивать обездвиженного зверя, а следом уже начинать спешно свежевать и грузить на нарты. Если же промедлить — сползутся снежные черви, и пищи пропало. Вмиг отгонят от распространяющей запах крови туши и все сожрут. Не уйдешь — и тебя сожрут. Воевать же против червей глупо. Проще уступить. А вообще — надо впрягаться и тащить тушу целиком. И свежевать ее уже под защитой стен Бункера. Но тут от размеров зверя уже все зависит.

Поразмыслив, я решил, что второй старик дело говорит. Я видел черепа здешних медведей... там кость в пять сантиметров толщиной. Без шуток. А сверху еще мясо, кожа, толстая меховая шуба... Клыков не имелось. Вместо них расположенные в несколько рядов тонкие острые костяные пластины. Как раз чтобы кромсать жесткое мясо снежных червей — основной источник пищи медведей. Да и не медведи это вовсе. Скорее киты, отравившие пару лап и таскающие себя по льдам в поисках пропитания или пары. Бывают весом в тонну и больше. Нижняя челюсть плоская, скользит при движении по льду — ею эти звери и зачерпывают червей, с хрустом их перемалывая и отправляя в пятикамерный желудок. Да уж... по медведям мне рассказали немало. Как-никак главная угроза в окрестностях. И главный источник пропитания для всех освободившихся сидельцев. Вот только охотятся как-то неумело...

Выйдя из барака, спустился по лестнице, миновал четверых зевающих охранников и оказался в Холле Свободы. Красиво назвали. И даже статуя имелась — грубо вырубленная из камня фигура получившего свободу узника, держащего в высоко поднятых руках два обрывка разорванной цепи. Статуя стояла посреди двух каменных лестниц, ведущих к собственно самому Холлу, представляющему собой большой зал с низким потолком. В противоположной от меня стороне располагались сейчас закрытые большие ворота.

Миновав статую, уселся на одну из ступенек, не забыв положить под себя кусок ватника. Камень холодный, болеть же не хочется. С высоты лестницы задумчиво осмотрелся, выбирая из многочисленных целей наиболее многообещающего собеседника.

Мысли невольно вернулись в недавнее прошлое. К моменту, когда мы прибыли сюда две недели назад.

Побег удался. Мы — я, Шериф и Красный Арни — обрели долгожданную свободу, успешно покинув воздушную тюрьму. Во всяком случае, так мы думали тогда. Но чуть позже столкнулись с проблемой. Крест посадить не удалось. У самой земли он вдруг заартачился. И отказался приближаться к земле ближе чем на сто метров. Борясь с управлением, я понимал — вот-вот к нам нагрянут еще несколько тюремщиков, жаждущих выяснить, что произошло с их товарищем. И в этот раз они придут большим числом и с куда лучшим вооружением. Решение требовалось принять немедленно. И предупредив Шерифа с Арни, я направил дергающийся крест на вершину высокого холма.

Решение оказалось не самым лучшим. А касание вышло далеко не мягким. Мы на полном ходу снесли вершину холма, вспоров себе брюхо, разбив кокпит, что-то оборвав в начинке креста. Летящая машина тяжело рухнула на склон и понеслась вниз. К счастью, это длилось недолго — через метров пятьдесят крест нагреб столько снега тупорылой мордой, что снежная куча сработала как тормоз и заодно послужила подушкой безопасности. Чуть придя в себя, начали подсчет ущерба.

Я вывихнул мизинец на левой руке, разбил лицо в кровь, синяков не сосчитать, жутко болела поясница.

Шериф и Арни отделались легче — на них двоих не больше десятка ушибов и ни одного перелома. Но им неплохо досталось при побеге, так что везунчиками их назвать никак нельзя. Нагрузившись пожитками, уложив Арни и Шерифа на импровизированную волокушу из одеял, я потащился вперед, ориентируясь по указаниям Красного Арни. Тогда-то и познакомился со снежными червями и медведями... чуть там и не остались. По самому краю прошли. Но добрались до гостеприимно распахнувшихся врат...

Да-а-а...

Прервав воспоминания, я встал и зашагал по лестнице, двигаясь на звуки становящегося все ожесточеннее спора.

— Твоя очередь! Твоя, тебе говорю! — хрипло орал трясущийся от холода старик.

Глянув на потолок, я увидел, что работает лишь одна линия ламп. Одна из трех. Стало быть, и система обогрева работает лишь одна из трех. О причине спора можно и не задумываться — опять из-за ненавистной очередности дерганья за рычаги лаютя. Не хотят жизнью делиться.

— Не моя! Я семь дней назад дергал! Сегодня очередь Сипатого!

— Умер Сипатый! Вчерась похоронили! Совсем память отшибло?

— И что? Я семь дней назад дергал! Как ни крути — не моя очередь! — не сдавался старик, пряча руки за спиной.

— Я сегодня дежурный! И я тебе говорю — твоя очередь!

— Ну нет!

— Добрый день, — улыбнулся я и, протянув руку, опустил торчащий из стены рычаг. Дойдя до противоположной стены зала, опустил еще один рычаг. Стало куда светлее, с урчанием ожили системы подачи горячего воздуха. С облегчением и радостью загомонили здешние обитатели, сидящие и лежащие на пятиэтажных нарах, превращенных в личные неприкосновенные убежища. И этот закон соблюдался строго. Заберешься на чужие нары без ведома хозяина — огромных проблем не оберешься.

Холл Свободы...

Именно сюда мы попали, впервые войдя в распахнувшиеся ворота. Такова была традиция — когда к воротам впервые прибывает новый освобожденный, ворота для него распахиваются настежь. И плевать, что быстро улетучивается накопленное тепло. Плевать! Это ритуал. Устоявшаяся традиция. Стоит новенькому перешагнуть порог — и все, кто может встать, поднимаются и во все горло орут «Свободен!».

Я был оглушен диким ревом.

— СВОБОДЕН!

И меня пробрало до печенок. Я замер, глядя на орущих людей, стоящих и лежащих на нарах, стоящих у столов и все как один кричащих:

— СВОБОДЕН!

Только тогда я осознал — я больше не узник. Я свободен.

Когда ворота закрылись за нашими спинами, к нам никого не подпустили суровые и еще крепкие, но уже седые охранники. Позже

я узнал — Холл Свободы тот еще крысятник. Обнимая и поздравляя, жителям ничего не стоит украсть что-то из кармана. Не все, конечно, здесь такие. Но многие. И Холл Свободы не зря за глаза называют Поселением. Тут живут нищелюбы и те, кто совершил преступление, пребывая в Бункере.

Бункер... так его и называли.

Большое подземное сооружение, некогда бывшее пещерой, преобразованной терпеливыми и никуда не торопящимися руками бывших сидельцев.

Подошедшим старикам Красный Арни сказал пару слов. И те тотчас засуетились, послали вверх по двойной лестнице гонца,двигающегося со старческой неспешностью. Нас повели туда же — все те же крепкие старики, оказавшиеся охранниками, покрикивающие на пытающихся подступиться оборванцев. Еще тогда я понял — это настоящее гетто. Переполненное безнадежностью и подлостью. Да уж...

Это место до сих пор поражало меня.

Дернув рычаги, я остался рядом с последним. Едва минуло три минуты, дернул два рычага еще раз. И опять замер у стены, разглядывая Поселение и населяющих его жителей. Рычаги я дергал не доброты ради. Здесь никто ее не оценит — за редким исключением. Я дергал рычаги, чтобы привлечь к себе внимание, создать о себе мнение такого доброго парня, не боящегося ради остальных отдать немного жизни проклятым чужеземным машинам.

Длинные стены Холла представляли собой многоэтажные конструкции. Пять этажей пристенных нар. Перенаселенный муравейник. Одна стена женская, другая мужская. Каждое койко-место принадлежит одному из узников до тех пор, пока он не умрет. Или пока не будет изгнан — что, как выяснилось из разговоров, случается крайне редко, и подобным наказывают только за убийство или умышленное нанесение тяжелого ранения. Каждый раз проводят показательное судилище, выносят приговор.

Взгляд скользнул по серым занавесям — серым, жирным, заплаканным. Личные пространства напрямую отражают характер владельцев. Редко удастся увидеть внутреннее пространство занавешенных нар. Но если вдруг увидишь — сразу оценишь его владельца.

Вот нары с отдернутой шторой. Проветриваются. Самодельный матрас накрыт аккуратно сложенным одеялом, в каменной стене

выбита длинная полочка, там стоит свеча, лежит пара старых книг, сложенная одежда. Тут живет аккуратист, дисциплинированный и чистоплотный. А вон и он, кстати, сидит за одним из хаотично разбросанных по Холлу столов, играет с кем-то в шашки. Чистая шерстяная гимнастерка, в расстегнутом вороте видна красная футболка, на голове красиво сидящая шапка. И сапоги у него всегда начищены до блеска. И бреется он через день, подолгу правя на ремне старенькую опасную бритву.

На другой стороне Холла небрежно сорванная штора, в груди тряпья на нарах копошится серая от грязи старушка со всклоченными седыми волосами. Ее прозвали Бабой Ягой. Поговаривают, что в прошлом она была каким-то ученым, подающим большие надежды. Но это с ее слов. Может, была ученым. А может, полы мыла в лаборатории. Правды уже не узнать. Опустившаяся старушка ненавидима многими — за источаемую ею самой и ее жилищем нестерпимую вонь. Любые увещевания и споры бесполезны.

Я дернул рычаги еще раз. Пусть помещение прогреется получше. Сейчас здесь никак не больше пятнадцати градусов тепла. Для стариков температура низковатая. Опять же, сыро. Кашель и хрипы раздаются со многих нар. Но жалеть здешних обитателей не стоит — если бы они исправно дергали все три расположенных здесь рычага, в Холле было бы куда теплее и суше. Вот только не хотят они. Лишь один рычаг из трех дергается регулярно — да и то только потому, что без него тут все выстудится и заледенеет. Умирать-то никому не хочется.

Раздавшийся звон гонга оживил сонное царство. А последовавший следом веселый крик заставил бабушек и дедушек двигаться побыстрее.

— Баланда с чайком! Баланда с чайком!

По лестнице спускались шестеро крепких мужиков средних лет, несущих носилки. Это здешние. Рожденные здесь. И нет — они не потомки тех, кто некогда пленил гигантское создание, заключив его в ледяной Столп, что высится над местными землями мрачной громадой горы. Нет. Они потомки узников. Тех, кто, получив свободу тем или иным путем — чаще всего чудом выжив при крушении, — был еще в возрасте, подходящем для деторождения. И для процесса зачатия. Эти потомки, подрастая, завели уже своих детишек.

Есть одна, но огромная и горькая проблема — тупые они. Здешние которые. Даже не тупые... недалекие? Тоже не то. И слова-то подходящего не подобрать. Не схватывают они, одним словом. Нет в них амбиций, нет стремлений. Я много про них наслушался за прошедшие две недели. А позднее убедился, что львиная доля всех рассказов — чистая правда.

Рожденные здесь очень долго развиваются. Ребенок начинает вставать на ноги только к четырем, а некоторые и к пяти годам. Говорить чаще всего начинают годам к семи-восьми. Некоторые только к десяти годам произносят первое слово. С пониманием тоже беда. Зато послушные. Исполнительные. Доброжелательные. Агрессии в здесь рожденных ноль целых ноль десятых. Дай пощечину тридцатилетнему бугаю — схватится за щеку и со слезами заревет. Большие дети...

Почему так?

СТОЛП.

Все грешат на него. Что-то самый главный здешний узник такое, мол, делает с окружающим пространством. Женщины с трудом беременеют, а когда рожают, то три ребенка из пяти мертворожденные. А рожденные живыми никогда не порадуют родителей блеском острого разума.

А ведь не рожать нельзя. Старость штука такая... рано или поздно самостоятельно обходиться не сможешь. Потребуется постоянный пригляд. И для этого отлично сгодятся не отличающиеся умом, зато сильные и выносливые детишки. Но есть что-то в этом необъяснимо подлое, противное — заранее знать, что твои дети вырастут умственно ограниченными, но не отказываться от их зачатия. Одно дело, когда родители узнают об аномалии плода в чреве матери от врачей и принимают взвешенное решение. Да и в том, нашем мире о таких детях заботятся, их рожают не в качестве будущих слуг. Вот уж буквальное воплощение присказки «чтобы было кому воды в старости подать»...

Спущенные по лестнице носилки с едой опустились на пол. Пришедший с шестью улыбочивыми мужиками старик в сером костюме под длинным черным шерстяным плащом демонстративно поправил галстук, сверкнув при этом браслетом золотых часов, коротко огляделся и взмахнул рукой.

— Баланда с чайком! Баланда с чайком! — без нужды повторил светловолосый мужик примерно моих лет с сонной безмятежностью в зеленых глазах.

Я дернул рычаги. И вернувшись к лестнице, поднялся повыше и снова уселся на кусок старого ватника. Сейчас расспрашивать стариков бесполезно — время обеда. Каждый из живущих в Холле три раза в день получал бесплатную пищу. По большой миске густого и сытного супа и солидной кружке горячего напитка.

Настоящий дом престарелых... бюджетный, дешевенький...

Черт... две недели назад угодив сюда, впервые стоя на пороге, ошеломленно щурясь от света и обрушившегося на меня дружного рева «СВОБОДЕН!», я на миг подумал, что попал напрямик в Вальхаллу. Я видел лишь смутные силуэты сквозь прищуренные веки. Вот он, воинский рай для достойных. И встретили нас самые настоящие Эйнхерии, те самые погибшие в бою доблестные воины, отобранные Одним для зала славы. Тут они пируют в обществе валькирий, поедая мясо вепря Сехримнира и запивая его медвяным молоком из вымени козы Хейдрун, что щиплет листья мирового дерева Иггдрасиль... Сейчас меня хлопнут по плечу и усадят за длинный пиршественный стол...

Но я быстро проморгался, огляделся, принюхался и понял, насколько сильно заблуждался.

Это не Вальхалла. Это трущобный дом престарелых.

Парни помоложе — работающие здесь беззлбные санитары. Старик в костюме и при золотых часах — здешний смотритель кухни. А все остальные — старенькие обитатели, покорно доживающие свой век. Или погибающие раньше своего срока. Вчера сорвалась со второго этажа нар бабушка, упав на спину и ударившись затылком. Умерла через несколько часов. Ее заматали в личные тряпки, обвязали. Собравшиеся вокруг тела старики угрюмо постояли, понимая, что вскоре столь же незамысловатая церемония будет проведена и по ним. Прочитали молитву, а следом тело умершей отнесли на здешнее кладбище и опустили в стылую яму. Те, кто решился проводить усопшую в последний путь — я был среди них, — крикнули вслед телу: «Свободна!»

Ну да... теперь она обрела настоящую свободу. Окончательную. Но как по мне — бабушка предпочла бы еще пожить пару годков.

Пусть даже в привратном Поселении, с его постоянными сквозняками и вечными сварами о рычагах.

Рычаги... рычаги... рычаги...

Никуда они не делись. Никуда. Зато здесь появился выбор — дергать или не дергать.

В Холле Свободы установлены уцелевшие агрегаты разбившихся летающих келий. Три такие системы спрятаны в глубоких нишах, пробитых в каменных стенах. Торчат рычаги. Все, что требуется, — разогнать все три системы до такого уровня, чтобы рычаги дергать приходилось пореже. И в Холле тогда всегда будет тепло и светло. Работа проведена гигантская, тяжелая, все сделано солидно. На, пользуйся, дергай рычаги и живи в тепле!

Не тут-то было...

Обитатели Поселения за рычаги дергать не желают. Потому как рычаги жизнь отбирают. И отбывшие по сорок лет в одиночном заключении старики больше не хотят быть «дровами», как они часто кричат в ссорах, касающихся рычагов. Чего я только не наслушался. Некоторые фразы даже записал.

Я тебе не дрова!

Другое полено поищи!

Мой уголек уже истлел! Дергать не буду!

Хватит с меня! Сорок лет в топке полыхал! Теперь пожить хочу!

Дергать не стану! Я человек, а не дрова!

Опять я? Ты меня за полено не считай! Сам дергай!

Я давно уж истлел! Не стану дергать!

Как мне удалось выяснить в разговорах, рычагов старики боятся до жути. И даже каким-то образом высчитали, что каждый рывок за рычаг отнимает у человека четыре дня жизни. Учитывая, что средний здешний возраст семьдесят лет... деньков жизни у стариков осталось мало. И отдавать их в обмен на тепло и свет никто не хочет. Уж лучше померзнуть, зато подольше пожить.

А еще эта страшилка про рычаги: что очень редко, мол, в чужеземном механизме происходит сбой, и тогда одно прикосновение к рычагу лишает тебя всей жизни. И падаешь на землю трупом. На этом моменте страшилки начинают добавляться подробности — труп мгновенно иссушается, волосы разом выпадают...

Смех, да и только. Но, как и у каждой страшилки, корни здешнего поверья растут из реальных историй.

Проблема в том, что, как мне охотно рассказали, у рычагов действительно часто умирают люди. Дернул рычаг, сделал пару шагов — и упал, схватившись за сердце. И это вполне нормально, на мой взгляд, и никак не связано с «высасыванием жизни». Просто людям в возрасте нервничать строжайше противопоказано. А тут рычаг... твоя очередь дергать... а рычаг четыре денька жизни заберет... а сколько у меня, восьмидесятилетнего, осталось? Может, всего три денька и есть... сердце стучит, старческие заостеневшие вены трещат, в голове пульсирует... дерг за рычаг! И получишь инфаркт или инсульт, но не от рычага, а от излишних нервов и напряжения... Падаешь на холодный каменный пол, дергаешься разок-другой и затихаешь, своей смертью усиливая легенды и страхи, связанные с рычагами.

Старики суеверны. Многие убежденные атеисты в молодости становятся яркими верующими в старости. Вон сколько тут икон. Красный угол поражает — там сотни икон всех возможных размеров. Сложная резьба на камне, десятки полочек, идущих до потолка, поддерживающих иконы. Почти на каждой резной полочке высечено имя сделавшего ее мастера. Дабы увековечить себя в памяти людской. Есть и свечи. Сейчас как раз пританцовывают четыре дрожащих огонька, перед ними три десятка старичков усердно кланяются, крестятся. Стоящий чуть в стороне батюшка с длиннейшей седой бородой и волосами скрестил руки на животе, благостно наблюдает. Даже не батюшка, а настоятель монастыря и храма Христа Освободителя протоиерей Тихон Первый.

Вон и его «сообщники», как громогласно заявил лютый атеист и ненавистник всех религий Артем, старик, доживший почти до девяноста лет и планирующий дотянуть до векового юбилея — всем назло! — по его словам.

«Сообщниками» являлись монахи, что сейчас смиренно стояли в очереди за супом и чаем. Их черные одеяния видно издалека. «Монастырем» же являлась часть примыкающих к красному углу нар. Там монахи и жили во главе со своим настоятелем. Регулярно молились, поддерживали у икон и своих нар идеальную чистоту. Каждый день молебны, песнопения, молитвы за упокой и здравие.

Я человек пытливым. Любопытным. И быстро узнал, что свечи поставляются храму бесплатно. Не в неограниченном количестве,

конечно, но огоньки в красном углу не тухнут. Свечи жировые. Из жира местных медведей. Производятся прямо в Бункере — в той его части, куда мне хода нет.

Бункер разделен на три части. Холл Свободы, он же Поселение. В Холле живут те, кто не может оплатить себе проживание в центральной его части. И те, кто не обладает никакими нужными рабочими навыками. Холл регулярно снабжается горячей едой и питьем. Силком здесь никого не держат. Но какой дурак отправится в снежные пустоши на верную смерть?

Центр — для тех, кто ступенькой повыше, в их число вхожу и я. Здесь обитают бывшие сидельцы, сумевшие оплатить пожизненный взнос золотом или иными ценными предметами. Либо те, чьи умения и навыки настолько полезны общине, что они получают право здесь жить и впоследствии остаются в Центре навсегда. Это лабиринт коротких улочек и комнатушек, выбитых в податливом камне. Подземный городок с большим центральным помещением для приема пищи и совместных посиделок.

Замок — третья и самая закрытая часть, где живет правящий Бункером совет с ближайшей свитой. Это все, что про них известно.

Про себя я с иронией называю живущих в Замке Королевской Семейей. Вслух же вообще никак не комментирую. Мне нужно время, чтобы разобраться с новыми реалиями. И пока я складываю мысленный пазл, мне лучше держаться подальше от любой из сторон, избегать диспутов о властях, не лезть с непрошеными советами. Поэтому сейчас я преследую сугубо приземленные прагматичные цели. Отсюда и список вопросов.

— День добрый, — рядом со мной уселся моложаво выглядящий дед.

Чистоплотен. Заметно по одежде — камуфляжные старые штаны, вязаный свитер камышового цвета, меховая шапка, легкая парусиновая куртка. На руках перчатки без пальцев, ладони греются о металлическую миску, полную супа. На ступеньку рядом бережно опущена стеклянная кофейная кружка с надписью «Лучший Босс».

— Добрый день, — вежливо отозвался я.

— Ну ты редкость ходячая! Молодой, свободный и не тупой! В наших краях случай редчайший... — покрутил головой дедок и окунул ложку в суп. — А ты чего не ешь?

— Я там поем, — ткнул я большим пальцем через плечо, указывая на статую освобожденного узника, за которой находился вход в Центр.

— А... так ты из центровых будешь. Проплатил?

— Иначе никак. Проплатил.

— Там правда суп погуще, а чай послаще?

— Есть немного, — не стал лукавить я. — Кормят сытнее.

— У нас же сплошь суп-пюре, — хохотнул старик. — Но хоть вкус каждый день разный. Да оно и к лучшему, что суп-пюре, — у двух третей здешнего сброда зубов не осталось. Дай мяса кусок — сжевать не смогут. А суп хорош. Его еще и жиром заправляют медвежьим. Сытость надолго дает. Пока жир не кончится... а запасы, говорят, к концу подходят? Медвежьего мяса и сальца?

Вот истинная цель разговора. Дед изначально знал, что я из центровых, как здесь называют жителей Центра. И хотел выяснить, верны ли слухи про заканчивающиеся медвежьи мясо и жир, являющиеся основой здешнего меню. Сплетни-то тревожные. Учитывая зябкую температуру в Холле, еда должна быть жирной и сытной.

— Охоты не было давно, — нейтрально заметил я. — Вроде больше месяца назад последнего медведя завалили.

— Шесть недель тому как, — вздохнул дед. — Да-а-а... плохи наши дела. И что? Чешутся там касательно следующей охоты?

— Не особо. Просто болтают, — ответил я чистую правду. — Что пора бы, мол, и сходить. Но пока просто разговоры.

— А ты пойдешь? Молодой, сильный, — на меня в упор глянули начавшие выцветать глаза. — И не тупой, что самое главное. Здешняя молодежь только лыбиться может. И больше ничего. Вон... — морщинистый палец указал на счастливо улыбающегося парня, внимательно разглядывающего узор на ковровой занавеске, прикрывающей одну из ниш. Узор он разглядывал уже минут пять, ни разу не оторвав взора. И так счастливо при этом улыбался, будто нашел свое истинное жизненное предназначение.

— Я бы сходил, — спокойно улыбнулся я. — Но только не на авось.

— А это еще как?

— В смысле — прежде хочу знать каждую подробность, каждую опасность, что может подстергать. Соваться туда без знаний — только смерть кликать. А я пока жить хочу.

— Все хотят. И жить, и супчик с медвежьим жиром хлебать. Так... — старик хлопнул ладонью по худому колену, оглядел Холл, ненадолго задерживая взгляд на тех, кто ему виделся могущим оказаться чем-то полезным. Его оглядывание окончилось сокрушенным вздохом и плевком под ноги. Не нашел никого подходящего. И тогда он обратил взор вверх, уставившись на потолок.

— Там твои знания.

— Знаю, — хмыкнул я. — Да только не принимают они посетителей.

Под потолком Холла, рядом с решеткой отопительной системы, была подвешена небольшая хижина. Костяные полы и стены, тряпичный верх, пара окошек и даже небольшая веранда, где имелось самодельное кресло с широкими подлокотниками. От веранды шел до стены узкий подвесной мостик. Зрелище удивительнейшее, не каждый день увидишь подвешенную к потолку колоритнейшую постройку. Сейчас окна и дверь закрыты, веранда пустовала. Хозяин изволит отдыхать. Это особенно заметно в начале подвесного мостика, по картонке с красными буквами «Пошли на хрен!».

В хижине обитал главный охотник и умелец по этому делу, ныне вышедший на покой. Хижину он построил самостоятельно, потратив на это немало лет. Медвежьи кости, части их же шкур, выменянные тряпки и деревяшки — все пошло в дело.

О хижине и ее хозяине здешние обитатели были готовы говорить часами, и в голосе почти каждого слышались брюзгливое раздражение и отчетливая зависть.

Раздражение прорывалось наружу, когда какая-нибудь старушка или дедушка вспоминали, что до того, как главный охотник вышел на покой, у них в супе было куда больше вкусного разваренного мяса. И чего это он вдруг вздумал уйти на покой? Пусть и дальше охотится! Ведь общество хочет кушать!

А зависть проявлялась при обсуждении странной, но ладно построенной хижины и того, что она была так высоко. Старики желчно обсуждали привычку хозяина хижины посиживать на веранде и смотреть на жителей Холла сверху вниз, попивая чай или чего покрепче.

Бывший главный охотник уж точно знает все тонкости своего дела и может обучить. Я даже поднимался разок до мостика. Но поглазев минут десять на картонку с недвусмысленным посылом,

предпочел спуститься, стараясь беречь еще не зажившие толком пальцы.

— Картонка еще на месте, — указал я на мостик.

— Зато ставни открылись, — указал старик. — Проветривает обиталище свое, Пердун Небесный.

— Пердун Небесный? — кашлянул я. — Его же вроде Антипием кличут.

— Антипий, Антипий, — закивал старик. — Это мы шутим так. Сам посуди — хижина его у решетки обогревателей. Горячий воздух сначала его хижину нагревает, только потом по сторонам расходится и вниз спускается. Потому, стоит кому из нас воздух испортить, сразу рукой вверх машут — Пердун Небесный, мол, это, а не я. Воздухом запах принесло.

— Как бы мне с ним поговорить...

— Так возьми супа и чаю, пока не кончились. Да отнеси, — посоветовал старик и глянул на меня с надеждой. — Он много знает про охоту! Ой много! Может, ты его и заменишь.

— Попробую, — кивнул я, встав с лестницы. — Так... мне бы миску побольше и почище. И кружку такую же.

— Сделаем! Ради общества ведь стараемся! Ради общего блага! — засуетился дедок и проворно засеменял к седой компании, поджидающей его за столом неподалеку.

— Ради общего блага, — тихо повторил я ему вслед.

Да нет. Не совсем, дедушка, не совсем. Ради себя вы стараетесь. Прозорливые вы, подозрительные. Заметили, что давненько на охоту никто не ходит. И понимаете, что рано или поздно мясные запасы подойдут к концу. И тогда всем придется затянуть потуже пояса. Суп, не заправленный мясом и жиром, при здешней холодыге... это не еда. Начнутся болезни. А старикам болеть нельзя. Любая мелкая хворь их запросто в могилу сведет. И они это знают. Вот и пытаются побыстрее как-нибудь снарядить охоту из добровольцев — которыми сами не являются и ни за что наружу не сунутся. А тут я подвернулся — молодой, здоровый, да еще и не тупой. Вот бы меня подучить, сагитировать и выпнуть в медвежьи объятия с несколькими такими же недотепами...

Через пару минут мне вручили посуду с супом и чаем. Заискивающе поулыбались, показали, откуда легче подняться, предупредили о пошатывающейся ржавой стойке у третьего яруса нар.

Подсказали, как быстрее передвигаться, если руки заняты тарой — куда ставить кружку и тарелку, как нагибаться и, удерживая себя одной рукой, другой поднимать поочередно тарелку и кружку. Старики сделали все необходимое, чтобы поднять меня к потолку как можно быстрее.

Ничего не уронив и даже не расплескав, легко поднялся. Довольный собой, широко улыбнулся — тренировки с гирей и пробежки дали о себе знать. Я даже не запыхался.

— Чего лыбишься, кретин?! Проворным и сильным быть мало! Еще мозги нужны! А вам, имбецилам, их недодали! — хриплый недовольный голос донесся от хижины, мягко раскрылась дверь, на веранду ступила худощавая высокая фигура. — За чай и суп спасибо. Ставь — и вали.

— Вот спасибо вам за слова добрые, господин главный охотник, — усмехнулся я, послушно опуская тарелки рядом с мостиком. — Приятного аппетита. Если позднее настроение появится — был бы не прочь побеседовать. На тему, связанную с охотой на здешних мишек косолапых.

Повернулся и начал спускаться. Но меня остановил не скрывающий удивления голос:

— А ну стой. Ниче себе... так ты не debil, что ли? То-то, думаю, лицо незнакомое... ты кто такой, парень? И чего такой умный?

— Я? Сиделец, как все, — остановил я спуск. — Просто освободился раньше.

— Твою так... и насколько раньше?

— Годков на сорок, — широко улыбнулся я. — Да подумал — чего там сидеть? Скучно. Места мало. Вот и вышел наружу.

— Так... вот это новости... побег? Или после крушения повезло выжить в целостности и сохранности?

— Побег.

— И успешный! Да еще и молодость не растерял... я вот все сорок лет отмотал... давай-ка назад. Неси суп. Посидим на веранде, побалакаем. Долго же я отдыхал. Столько всего пропустил... Когда сюда явился? Один?

— Нас трое прибыло.

— Ого... — указывая на кресло, покачал головой старик. — Присаживайся. Те двое, как и ты, столь же молодые, сильные и вроде бы умные?

— Вроде бы умные, — рассмеялся я, показывая, что оценил беззлобную шутку. — На мозги они точно не жалуются. А вот годки... одному скоро шестьдесят. Другой постарше. Оба недавно получили неслабые ранения. Красный Арни, так зовут первого, сломал ногу. Но его лечат и говорят, что не останется даже хромоты. Вот только на охоту он вряд ли пойдет. И характер не тот. И занят он в Замке.

— В Замке? А туда новичка как так быстро занесло? Ты сам-то с Холла?

— Я в Центре обитаю. Заплатил взнос пожизненный. И живу. Как Арни в Замок попал? Эту сказку не знаю. Но у него здесь хороший знакомый. Связи решают все — даже здесь.

— Ясно... а второй из твоих товарищей? Он как? Крепок? Решителен?

— Крепок. И решителен. На медвежью охоту запросто пошел бы. Но не пойдет. Во всяком случае, пока.

— А что так?

— Его тюремщики ранили. Иглами какими-то. Началось заражение. Так что он вроде в сознании, но температура зашкаливает, едва сбивают. У вас ничего жаропонижающего нет? Я бы купил.

— Чего нет, того нет. Хм... разве что травка одна может ему помочь. Но ту травку еще сыскать надо.

— Травка? — поразился я. — Где? В здешних снегах?

— А под снегом земля, — улыбнулся старик. — Слушай... как тебя зовут-то?

— Гниловоз.

— О как, — крикнул охотник. — Редко кто по доброй воле такое прозвище выберет. А меня Антипий. Ты не обскажешь всю вашу историю, пока я суп хлебаю?

— Да не проблема. Так... Если с самого начала, то...

Я пересказал Антипию все случившееся со мной. Как попал в забитую льдом летающую келью, как догадался, что надо дергать за рычаги. О том, как келья ожила, начала двигаться и подниматься. О встречах с сидельцами и об их вывернутой извратившейся за долгие годы тюрьмы психике. О том, как познакомился с Красным Арни, получив от него важнейшую информацию о старой модели своего креста. И о том, что произошло дальше вплоть до падения и прибытия в Бункер.

Поняв, что старик неторопливо прихлебывает супчик и с интересом слушает, начал описывать последовавшие события. И описывал с удовольствием, тщательно фильтруя рассказываемое, чтобы не ляпнуть лишнего. И радовался возможности высказаться. Это поможет мне привести мысли в порядок.

Рассказал, как нас приняли, прокричав «Свободен!», после чего повели вверх по лестнице, и мы шагали, провожаемые десятками взглядов. Поднявшись наверх, прошли через еще одни охраняемые ворота и оказались в Центре. Тут мы и остановились, для начала угодив в лазарет, где нам оказали первую медицинскую помощь. Заплатив положенный сбор, мы навсегда поднялись на ступеньку выше, став жителями Центра. Нас с Шерифом определили в небольшую комнату с двумя кроватями, столом и парой шкафов. Ну еще с дверью и намалеванным на стене окном с занавесками.

Удобства общие, в коридоре. Но все чисто. Есть кому убирать-ся. Эта комната с нарисованным окном теперь наше постоянное жилище. Раз в месяц каждый из нас должен дергать рычаг. Или же платить небольшую плату тому, кто согласится дернуть за тебя. Питание, как и в Холле, общее, в центральном большом зале с нарисованными на стенах рыцарями, прекрасными дамами, каминами, звездами на потолке, летящими пухлыми ангелочками, вооруженными копьями и луками и много чем еще. Особенно меня впечатлил рисунок красного «Феррари» с зажженными фарами и высовывающимся из окна старым улыбающимся водителем в черных очках и с зажженной кубинской сигарой во рту.

Питание, кстати, почти такое же, как и в Холле Свободы. Разве что у нас еще зеленый салат имеется. И порой дают пару фруктов.

Мои впечатления? Ну... очень сильно похоже на потусторонний дом престарелых... вот прямо очень...

Особенно с утра, когда приходишь в зал и видишь торопливо ковыляющих по коридору старичков, вытянувших шеи словно гуси, не желающих опоздать на раздачу горячего супа и гадающих, будут ли сегодня выдаваться яблоки. Да и позже впечатления не ослабевают — старички остаются в центральном зале, рассаживаются группками или парами за столы, берутся за карты, стучат шашками и беззвучно передвигают шахматные фигуры. Кто-то читает, беря книги из большого шкафа у стены. И так продолжается до самого вечера — с перерывом на обед. Затем ужин. И зевающие

старички расходятся по комнатам. Чтобы завтра повторить все с самого начала...

Распорядок железный. Не меняется. Ухаживают за старичками рожденные здесь мальчики и девушки, или же, как их еще называют, — иванушки и аленушки. По аналогии с Иванушкой Дурачком — персонажем веселым, добрым, но недалеким. И эти сказочные персонажи очень уж сильно напоминают мне санитаров.

Короче говоря, как ни крути, как ни вслушивайся с восторгом в многообещающее название «Бункер», по сути, все, что я здесь увидел, представляет собой два соседствующих заведения для престарелых. Первое совсем уж бюджетненькое, можно сказать, муниципальное. А второе — в Центре — уже рангом повыше. Подороже. И кормят лучше, и обслуживание качественней. М-да... но сути не меняет. Я в богадельне. Здесь никто никуда не стремится. И здесь никто ни о чем не помышляет, кроме количества медвежьего жира в супе.

То, о чем я не сказал главному охотнику, но о чем неотступно думал, изучив Холл и Центр... в этих двух зонах ничего не производилось. Вообще. Даже кухня, где приготавливалась пища для всего Бункера, находилась в Замке. Еда доставлялась оттуда через ненадолго открывавшиеся ворота, постоянно охраняемые четырьмя пожилыми, но крепкими с виду и вооруженными огнестрельным оружием мужчинами, которые, между прочим, жили в Замке и почти не общались с обитателями остальных зон Бункера.

Еще одна потенциально плохая новость для любого жителя — ворота, ведущие в Замок, были двойными. Успел я подглядеть. За первыми воротами пятишаговый коридор. И еще одни ворота. Причем, судя по увиденному, ворота никогда не открываются одновременно. Строго по очереди.

И это меня напрягало. Сильно напрягало, хотя я не переставал улыбаться с того момента, как оказался здесь, понимая, что за мной наблюдают. Поэтому я избегал любой критики текущего уклада жизни в Бункере, не забывал иногда хвастаться — вот я какой крутой, убежал молодым! Охотно принимал пищу, играл в шашки и шахматы с жителями Холла и Центра, потихоньку узнавая здешнюю жизнь в деталях и категорически запретив себе что-либо спрашивать про Замок. Захотят — расскажут. А я послушаю. Я параноик. И в каждом улыбающемся мне местном обитателе вижу

шпиона из Замка. Учитывая закрытость Замка — у них обязаны быть тут «наседки». Те, кто будет внимательно слушать, запоминать, фильтровать, оценивать общее настроение и раз в недельку докладывать кому надо.

А еще я очень и очень отчетливо представил себе, что произойдет, если Замок вдруг в один прекрасный день захлопнет ворота и больше не откроет их.

Это конец Холлу и Центру. Медленная смерть от голода.

Другого исхода нет.

В Замке все. Склады, мастерские, кухни, кладовки с припасами, оранжереи и теплицы, если судить по подаваемым к столу фруктам и зелени. Замок не зависит от нас. Тогда как мы зависим от него полностью. И я почти уверен, что у Замка есть еще один выход на поверхность — тайный и хорошо замаскированный. Это логично. И вполне в духе средневековых лордов, живущих в замках. А еще я уверен, об этом оглушительно кричит моя параноя, что жители Замка имеют тайный доступ к машинам, дающим нам свет и тепло. И в случае чего смогут моментально вывести машины из строя. И тогда пропадет не только еда. Исчезнут свет и тепло.

И вот тогда придет конец всему. Несколько дней — и в живых останутся самые стойкие.

Еще неделька — и Центр с Холлом превратятся в промерзшие кладбища.

Стоило мне это понять, и я тут же начал действовать.

Составил список необходимых предметов и знаний. Поделил его на четыре части. И начал прорабатывать часть за частью. Сейчас мне срочно требовались навыки выживания в здешних снежных пустошах. Я там уже побывал. Зима как зима. Но вот ветра и зверюшки... это нечто прямо неземное и страшное. Выжил чудом. И своих сумел дотащить, не бросил. И понял — я знаю об окружающем мире слишком мало.

Стать умелым охотником — одно из моих текущих заветных желаний. Я обязан уметь добыть пропитание, чтобы не быть зависимым от Замка. И при добывании пищи очень хотелось бы обойтись без ранений. И никакой смерти в когтях здешних медведей. Это же попросту тупо — сбежать из воздушной тюрьмы, чтобы стать завтраком беззубого гризли!

Ничего из мыслей я главному охотнику, само собой, рассказывать не стал. Ограничился перечислением фактов. И этого оказалось достаточно, чтобы Антипий сделал свой вывод касательно меня.

— Подойдешь! — решительно заявил он. — Ты — подойдешь.

— Потому что я молодой, сильный и не тупой? — поинтересовался я.

— Именно. И потому что смелый. А это в медвежьей охоте главное! Тут тебе не там! Там мужики вооружаются автоматическими винтовками и за минуту превращают зверя в решето, стреляя с безопасного расстояния. Зато потом как дома врут! И зверь, мол, подскочил, пасть разинул, а я в упор, в упор его! Ага. А на шкуру глянешь — дыра на дыре. Тьфу! Из таких людей справного охотника не получится. Ты вот про тонкости спрашиваешь, верно?

— Есть такое. Хочу знать, как правильно охотиться в этих условиях.

— А особых тонкостей и нет, парень! Нету! Тут главное — быть наблюдательным, приметливым, а когда придет время — еще и решительным. И умным еще надо быть. Охотник обязан быть умным! Я почему перестал охотиться?

— М?

— Потому что умный! И жить хочу! Раньше ходил на охоту с двумя мужиками, что еще постарше меня — под девяносто с лишним им было! И ведь спокойно валили огромного зверя! А как помощники мои на кладбище отправились, так и я отставку взял. Потому как жить хочу! Насмотрелся я на других охотничков. Тьфу! Такие и тебя загубят, и сами полягут. А оно мне надо?

— Нет, — четко ответил я. — Не надо. И мне тоже не надо. Я тоже жить хочу.

— Во-о-от! — поднял палец охотник. — Именно! Потому есть у меня к тебе предложение.

Всем своим видом я показал, что готов слушать. И старый охотник продолжил:

— Сходим на охоту!

— Вот так запросто? — удивился я.

— Нет, конечно, — хрипло засмеялся Антипий. — Куда там! Но словами тут не объяснить. Улавливаешь? Начинать надо с практики. Так меня учили в свое время. И с маленьких зверей. Медведи ведь разные бывают. Найдем мишутку килограмм под сто — и завалим.

Они еще глупые, медлительные. Самое то для нас. Зверя завалим. Притащим в Холл. Приготовим и устроим большой ужин для всех здешних доходяг, что сейчас смотрят на нас, открыв рты, и все ждут, о чем мы с тобой договоримся.

Перегнувшись через перила веранды, я глянул вниз. Действительно... старички прохаживались, играли в карты и шашки, читали старые книги, о чем-то зло спорили, стояли в очередь к отхожему месту. И нет-нет, да и поглядывали наверх. На старую охотничью хижину, подвешенную под потолком. Ждут... надеются...

Но вот так сразу отправиться на дело. А как же часы теоретического обучения? Отставной охотник точно в своем уме?

Пристально поглядев на Антипия, ненадолго задумался. Потерпев минутку, он не выдержал:

— Ну?

— Мяса свежего добыть надо, — подытожил я. — Согласен. Когда?

— А чего тянуть? — цыкнул зубом охотник. — Через час и выйдем.

— Ого...

— Я решения быстро принимаю. Тут только так надо. Послабления себе давать нельзя! Медлительность губит. И лень к хорошему не приведет. Вот ты как думаешь, чего я под потолком хижину подвесил?

— Все хотел спросить, — признался я.

— А чтобы мышцы нагружать! Чтобы силушка не уходила. Раз пять за день вверх-вниз прогуляешься — и кровь по жилам загустеет, мышцы загудят. Мне стоит намекнуть — и лучшие нары для меня освободят! Хоть здесь, хоть в Центре. Ну и... чтобы поменьше слушать их стариковский треп, — махнул рукой Антипий. — Они поболтать любят. Да и я порой люблю языком почесать. Но периодически! А они постоянно! Улавливаешь разницу?

— Улавливаю. А почему не в Центре? — не удержался я еще от одного вопроса. — Там отдельные комнаты. Дверь закрыли — и вот уединение. Тепло, кормят лучше, пейзажи всякие нарисованные, ребятишки молодые прислуживают, помогают немощным, да и просто за тапками послать — сбегают.

— Ага... сам смекни, как все это вместе выглядит. Тебе на ум что приходит?

— Дом престарелых.

— А мне — хоспис! — отрезал охотник, шлепнув жесткой ладонью по перилам. — Хоспис! Для неизлечимо больных, что терпеливо ждут только одного — смерти!

— Хм... — кашлянул я. — Ну...

— Поймешь еще! Здесь, в Холле, хоть какое-то подобие жизни. А там... там просто существование. В Центр меня звали. Да я не пошел. Мне и здесь неплохо. Было б еще чтыва побольше. Да оживили бы телик, наконец! Тогда бы почаще спускался.

— Телик?

— Видеодвойка. Раньше такие в ходу были, может, вспомнишь. В одном корпусе телевизор и видеомагнитофон. И кассеты ведь есть. Штук шесть. Одна кассета даже с порно, хе-хе... но сломалось там что-то. Ты не разбираешься?

— Нет, к сожалению. А может, в Замок отдать? Там наверняка есть те, кто в электронике понимает.

— Ага. Щас! Им отдашь — и все, пропал телик! Скажут — починить не получилось, извиняйте. И все. В Замке и видеокассеты есть, поговаривают. Да они разве чем поделаются? А книги есть какие? Я с возвратом.

— Несколько штук есть, — кивнул я.

— Вот это дело! Может, повезет и попадетсЯ хоть что-то не читанное пятьдесят раз, — вздохнул охотник. — Но это потом. Так что насчет охоты, молодой, сильный и даже не тупой? Сходим?

— Сходим, — встал я. — Через сколько быть?

— А минут через сорок — у ворот. У гостевого угла. Там кое-чего поясни тебе и еще одному парнише. Ну как парнише... семьдесят с лишним годков ему. Но вроде не трус и ходит без палки.

— Буду, — коротко сказал я и покинул веранду.

Гостевой угол... он для тех, кто прибыл в Бункер, но не собирается в нем оставаться постоянно. В первую очередь угол предназначен для тех, кто явно прибыл сюда не из нашего мира. А там, у них, в свою очередь, есть такой же угол, где накормят и обогреют путников, стремящихся объединиться со своими земляками. Всего тут вроде как не меньше пяти поселений, разбросанных там и сям вокруг Столпа. Между поселениями есть даже кое-какая торговля по слухам. Ох и в странный же мир я угодил... ох и в странный...

Спустившись, едва не столкнулся с давешним старичком. Хлопнул себя по лбу:

— Посуду вашу забыл.

— Антипий отдаст, — отмахнулся тот. — Охота... с охотой-то что? А?

— Через час выходим, — улыбнулся я. — На охоту за маленьким мишкой.

— Ох! — обрадовался старик, хлопнув себя ладонями по ляжкам. — Ох! А мясо... мясо сразу в Замок, да? Аль как решили?

— Да вроде здесь Антипий готовить решил. Но точно не знаю.

— Котел на всякий случай приготовим, — шумно сглотнул слюну старик. — Водички из снега натопим. Дрова! Коли встретится что — прихватите! Дров в обрез. А наших наружу не выгонишь... Дрова обязательно, ребятушки! А я уж такой ужин приготовлю — пальчики оближете! Ох радость! Мяса пожую жирного...

— Посмотрю, — кивнул я и заторопился к лестнице.

Надо одеваться. И потеплее. Дрова... откуда тут дрова? Не посреди леса живем. Тут ведь настоящая Антарктика. А старик говорит с такой уверенностью...

Ладно. Дойдет и до этого. Там и разберемся...

Шериф встретил меня бодрым приветствием. Ответив, я оглядел его с ног до головы. И вздохнул огорченно:

— Никак?

— Да все неможется и неможется, — скривился Шериф. — Прямо занедужил. Но ты не переживай — прорвемся! Раз уж раньше срока сюда угодил, день напролет в постели валяться не собираюсь. Завтра уже делами займусь. Хотя бы вещи разберу. А то так и свалены в углу.

Я покосился на угол, где не свалены, а аккуратно сложены были пожитки Шерифа.

— Потому и трогать не стал, — заявил я уверенно. — Как поправишься — сам разберешься. А я на охоту!

— Ох ты, — подпрыгнул старик и попытался встать, но я не позволил, надавив ему мягко на плечо.

— Не торопись, Шериф. Даже молодые ковбои после ранений сразу в седло не вскакивали. Фильмы не смотрел, что ли? Их сначала перевязывали, а затем они пили виски и отлеживались

на втором этаже трактира вместе с танцовщицами кордебалета, уставшими от канкана.

Шериф захохотал. Охнул от боли в плече, но смеяться не перестал.

— А охота... — я пожал плечами. — Сам пока не знаю ничего толком. Бывший главный охотник, что недавно ушел в отставку, решил вернуться к охоте после разговора со мной. Потому что я молодой, сильный, смелый и даже не тупой.

— Даже не тупой? Ну и фраза...

— Ага. Прямо популярное выражение, блин. Даже не тупой... Сходить на охоту надо. И мне польза, и Бункеру. С уходом главного добытчика охотиться тут стали редко. Раз в пару месяцев. И потому суп стал не такой жирный, как прежде...

— Да мне уже все уши прожужжали девушки об этом супе, — махнул здоровой рукой Шериф. — Тьфу!

Хотя недовольным он не выглядел — все же общение. Да еще и с противоположным полом. Я вообще удивлен, что, придя сюда, застал его в одиночестве. Обычно тут как минимум три девушки сидят рядом с кроватью, если слово «девушки» вообще может употребляться по отношению к кокетливым смешливым старушкам возрастом под восемьдесят.

— На кой тебе эта охота? — вздохнул Шериф. — Рискну мало было в последнее время?

— Новое умение всегда пригодится. А риск... потому и пойду на охоту только с профессионалом, что от глупых действий удержит. Умирать не хочу.

— Ты уж будь осторожней. А я здесь пока полежу. На вахте. И за вещичками твоими пригляжу.

— Договорились, — улыбнулся я, заматываясь в старое верное одеяло. — Помочь сходить куда требуется?

— Да сводили меня уже.

— Девушки?

— Да ну! Конфуз какой, чтобы меня девушки к отхожему месту провозжали! Есть тут один шашист... он и помог в перерыве между партиями. Скоро опять придет — жаждет реванша.

— Вот и отлично. Скучать не придется. Ладно. Побежал я.

Хорошенько одевшись, вышел из комнаты, пройдя коридором, миновал следом полупустой центральный зал, преодолел еще один

ГЛАВА 2

коридор и оказался у распахнутых ворот рядом со статуей и началом лестницы, ведущей в Холл. Не переставал удивляться — работа проделана громаднейшая. И вряд ли тут работали отбойными молотками. Здесь камень стесывали вручную. И зубила с молотками держали руки стариков. Работа заняла долгие годы.

Чем мотивировали на работу?

Увеличенными продовольственными пайками? Гражданством в Центре?

И как же звали того хитреца, кто придумал всю систему Бункера? Это сразу бросающееся в глаза разделение на три неравные по территории и удобствам зоны.

Так и просится на язык словечко «каста».

Мне нужно куда больше информации. Немало времени прошло почти впустую, но я хотя бы зарастил свои раны и немного огляделся. Сегодня первый прорыв. И первый шанс научиться чему-то новому...

ГЛАВА 2

Холодно. Пронзительно холодно. Порывы не слишком сильного ветра норовят забраться за воротник, в рукава, пробить брешь в старой заплатанной ткани. Я размеренно дышу в закрывающий нижнюю часть лица шарф, обмотанный и вокруг фуражки. Слух от этого страдает. Зато уши не отморожу. Как холодно сейчас? Где-то минус двадцать с небольшим? Это более чем терпимо.

За моей спиной громада Столпа, отсюда кажущегося просто стеной или даже границей нашего мира. Мне чудится, что Столп наблюдает за мной. И снова в ушах шепот... я уже успел отвыкнуть от него — от неумолчного гласа этого мира. Слышал, что кто-то в попытке избавиться от несмолкающего голоса в голове пробил себе барабанные перепонки. Но ему это не помогло.

— Не подведи, Федуня! — в пятый раз предупредил Антипий, снимая меховые рукавицы и оставаясь в тонких вязаных перчатках.

— Сделаю как надо, — со спокойной и несколько безразличной уверенностью ответил сутулый старик в длинной болоньевой куртке с капюшоном. Под курткой несколько свитеров и кофт, раздувших его фигуру. На голове ушанка, поверх повязан платок, вокруг шеи

толстый серый шарф. Из-под куртки торчат ватные штаны и сапоги. Федуню одевали всем Холлом и теплой одежды не пожалели. И стал он похож на одного из отступающих из суровой снежной России вражеских солдат. Как, впрочем, и я — чего только стоит повязанный вокруг фуражки шарф...

— Мне ничего не скажешь? — после короткой паузы осведомился я, тщательно пряча легкую нервозность.

Вернувшегося к работе охотника мой спокойный тон не обманул. Блеснули глаза из-под козырька обшитой мехом бейсболки, внимательно оценили меня, успокоенно мигнули:

— Не побежишь. Это видно. Сдохнешь, но не побежишь. Знаю таких, как ты. На охоте чаще всего погибают.

— Вот спасибо, — усмехнулся я и крепче сжал в руках кожаную рогатину.

Оружие удивительное. Сделанное талантливо. Несколько длинных толстых костей умело соединены воедино с помощью толстой проволоки. Древко чрезмерно длинное — три метра! И сразу становится ясно, почему на это дело требуются люди сильные и выносливые — рогатина весит немало. Ее и на плече-то сюда тащить тяжело было. А орудовать ею, втыкать, удерживать, тащить на себя и толкать... это не каждому по силам.

Еще раз поблагодарил себя за усердные занятия с гирей и чуть тоскливо глянул в окружающую нас густую снежную муть. Где-то там, километрах в шести от входа в Бункер, лежит на склоне холма мой разбитый крест... там остались кое-какие вещи, лежит где-то в углу гиря, торчат замерзшие яблоневые ростки — хотя три штуки, несколько поломанные от поспешного впихивания в мешок, я все же сумел притащить с собой. Теперь они растут в нашей с Шерифом комнате. И за здоровье ростков переживать не приходится — вокруг суетятся многочисленные посетители, и каждый норовит позаботиться о саженцах... которые, как мне показалось, в тепле Бункера начали быстро чахнуть. Может, повредил при переноске? Опять же, на холоде были долгое время... подмерзли...

Голос Антипия вырвал меня из раздумий. Цепко глянувший на меня охотник рассердился:

— А вот сейчас и тебе скажу — выкинь все лишнее из головы! На охоте про постороннее думать нельзя! Запомни! Навсегда зарубку в памяти сделай! Иначе все тут поляжем и станем кормом

для медведей! А те куски, что они не переварят, — дожрут снежные черви! Понял?!

— Понял, — кивнул я и шутливо козырнул, приложив пальцы к козырьку фуражки. — Прошу прощения. Мысли в голове. Роятся.

— Это вот они роятся. И пусть себе — им все одно делать больше нечего. А мы о деле думать должны! — старик ткнул пальцем в небо. И мы дружно задрали головы.

Да. Тут было на что посмотреть.

Небо здесь редко увидишь. Погоды не те. Но изредка — как сегодня — случается так, что ветер немного успокаивается, облака слегка расходятся, и между ними образуются прорехи, сквозь которые падают столбы яркого солнечного света. Они, в свою очередь, разгоняют льдистую муть, повисшую над землей. И свет добирается до земли, освещая место, где мы живем.

С высоты полета тут все выглядело иначе. Менее жутко. Менее депрессивно.

Снежные и ледяные поля перемежаются торосистыми участками, настолько широкими и изломанными, что лучше обойти стороной, чем пытаться преодолеть. Унылые равнины разбавлены понатыканными холмами различной высоты. Некоторые более чем высоки — достигают двухсот и трехсот метров, их уже можно назвать небольшими горами. В одну из таких гор я и воткнул свой крест, когда летающая келья отказалась снижаться.

Километрах в пяти от нас по снегу разбросаны ужасные свидетельства многовекового пребывания здесь узников — разбитые кресты. Они лежат целыми слоями, порой поднимаясь до высоты в десять и больше метров. Разбитые кресты, падая и падая с небес, образовали со временем невысокую и прерывистую круговую стену вокруг Столпа и вокруг поселений. Круговая стена из железа, камня и трупов. К стене лучше не соваться — здешние обитатели не дураки и давно уже пристрастились к свежей и мороженой человечине. Медведи и снежные черви — они все время у стены, и, как недавно сказал Антипий, медведи отчетливо реагируют на громкий «бум» и сотрясение почвы, вызываемые очередным падением креста. И сразу выдвигаются к источнику шума, стремясь опередить снежных червей.

Круговая черта из разбитых крестов служит границей нашего мира, где Столп — его центр.

Что лежит за границей?

Никто не знает. Но туда уходило не меньше шести экспедиций только при Антипии. Освободившиеся старики не хотели проводить остаток жизни в снегах и хотели потребовать компенсации за сорок лет жизни и билеты домой. Они ушли. И не вернулись. Канули в неизвестность. Кто знает, что с ними стало. Но Антипий полагал, что далеко они не ушли, и их попросту сожрали. Местность здесь дикая, холодная. И тянется так на многие-многие километры — пару раз он взбирался на круговую стену и смотрел вдаль через старенький бинокль. Но не увидел ничего, кроме льда и снега. Сколько дней смогут шагать старики? Сколько километров смогут преодолеть?

То-то и оно...

Если куда-то и отправляться в поисках справедливости — то только на транспорте. Сойдут и нарты, запряженные собаками. Было бы неплохо иметь гусеничный вездеход, приспособленный к арктическим условиям. Самолет — так вообще отлично. Но нарты с собаками — лучше. Их легче прокормить, чем самолет. Собаки будут с удовольствием жрать добываемое прямо в пути медвежье мясо. А самолету керосин подавай.

Слушая Антипия, я блаженствовал — наконец-то на меня пролился ливень долгожданной информации. Мне даже немного стало теплее.

— Водки бы, — вздохнул Федуня, кутаясь в свои многочисленные одежды.

Я лишь тяжело вздохнул. Не из-за отсутствия водки, нет. Дадут — не выпью на морозе. Только тепло в атмосферу зря выбрасывать. Я вздыхал из-за поведения Федуни. Стоя и слушая инструкции, он уже раз пять раскрыл и закрыл куртку, задрал свитера, старательно заправляя рубаху в штаны. Потом поправлял ремень, следом снова возился с воротником рубашки... Федуня занимался опасной ерундой. Едва его тело согревалось — он раскрывал все застёжки, устраивал проветривание ледяным воздухом, затем, трясясь, как банный лист, поспешно застегивался и пытался согреться. Еще пара таких выкрутасов, и дедушку можно сразу списывать со счетов. Ну, не сразу. Часик он продержится. А потом свалится. И что делать? Рвякнуть?

— Эй! — решил эту проблему за меня Антипий, схватив Федюню за ворот и притянув к себе. — Чего хренью страдаешь? А?! Сдохнуть решил? Пневмонии захотел? Пожил — и хватит?!

— Да ты чего... чувствую просто, тянет где-то холодом. Прямо в поясницу. Вот и затыкаю дыру... — задержался в мертвой хватке Федуня, а я отметил силу главного охотника. Мощный мужик, хоть и в возрасте.

— Водку на морозе не пьют. Куртки на морозе и ветру не расстегивают, — ритмично потрясывал охотник помощника. — Свитера не задирают! В тепле оделся — и сразу наружу, чтобы не потеть лишний раз. А там уже застежки до самого возвращения не трогаешь. Понял меня?!

— Да понял, понял я!

— Ох, похоже, зря я тебя сюда потащил.

— Чего ты! Не зря! Ну ошибся чуток!

— Как ты вообще сорок лет в келье отлетал! — буркнул Антипий, выпуская помощника.

— А что? Нормально отлетал! Сорок годков оттрубил. Семьдесят шесть раз за третий рычаг всего и дернул. Чтобы Столп не серчал на меня, грешного, — повернувшись, Федуня низко поклонился мерцающей громаде Столпа, истово перекрестился и пробормотал пару слов молитвы.

У меня невольно отвисла челюсть. Хорошо хоть шарф прикрывал рот, и никто не заметил моего удивления. Комментировать не собирался.

Повернувшись ко мне, Антипий поинтересовался:

— Все помнишь?

Я кивнул.

— Пошли. Делаем все как уговорено.

Припав к земле, охотник покрутился, оглядывая снег. Я смотрел туда же. И видел целую кучу извилистых и хаотично переплетающихся следов. Будто змеиная стая проползла. Сорвавшись с места, Антипий пробежал десяток шагов и с размаху воткнул легкое копыце в сугроб. Прижал, навалился всем телом. И подался назад, разрывая сугроб и поднимая оружие. Насаженный на копые, беззвучно дергался снежный червь.

Мерзкое создание... Крупное.

Длиной с мою руку, плоский, весь утыканный белыми полупрозрачными шипами, судорожно разевающий широкую пасть, из сквозной раны медленно капала белесая жидкость, похожая на гущенное молоко.

— Чуете?

Мы с Федуней кивнули. Порыв ветра принес резкий аммиачный запах.

— Для медведя лучше запаха не сыскать, — пояснил охотник. — Посмотрим, кого нам судьба принесет.

Воткнув копые наконечником вверх в щель между ледяными глыбами, охотник махнул рукой. Мы обошли небольшой пригорок, поднялись по противоположному склону и оказались на вершине, где и залегли. Червь продолжал дергаться, силясь освободиться. Глядя на муки бессловесного создания, Антипий заметил:

— На нас похожи. Живучие. Запомните — этот запах отпугивает других червей, давая понять, что здесь для них опасно. Но приманивает медведей. Поблизости от нас особо крупные мишки редко водятся, они больше там, у разбитых крестов, обитают. А здесь чаще молодежь мохнатая ползает, когда их мамка прогоняет в самостоятельную жизнь. Вот такой малыш нам и нужен.

— Червей не едят? — уточнил я.

— Отрава, — буркнул охотник. — А медведи лопают с удовольствием. Но и им приходится долгоноcko этих тварей переваривать. Про желудки медведей слышал?

— Слышал. Что желудки очень прочные и пятикамерные.

— Вот-вот. Сегодня увидишь все наглядно, если повезет с охотой. Черви живучие. Даже на куски челюстями порубленные продолжают жить. Я столько желудков видел вскрытых, что могу диссертацию по ним написать. В первой желудочной камере черви лежат до тех пор, пока не истекнут кровью ядовитой. Затем медведь эту кровь отрыгивает через специальное ситечко в пасти — мясо червей внутри остается, а белая гадость выплескивается. Фильтрует, стало быть, съедобное от несъедобного. Во второй камере измельчение. Там камни вперемешку с кусками червей. А в последних трех уже переваривание вроде как. Так-то вот.

— Да к чему нам эта галиматья? — прогундел Федуня. — Лучше байку какую расскажи, а то на морозе лежать...

Я резко прервал:

— Мне интересно!

Охотник одобрительно на меня покосился, на Федуню глянул укоризненно:

— Дурак ты, Федя! Дурак! О звере все надо знать, коли на него охотишься! Ты вот про рефлекс их защитный знаешь?

— Ну нет...

— Ну нет... — проворчал Антипий. — А рефлекс есть! Стоит медведя ранить, он привстает и окатывает тебя с ног до головы отрыгнутой кровью червей. А она жжется огнем! Чистая кислота! И когда медведя копьём бьешь — в пузо бить нельзя. Прорвешь первую камеру желудка — и половина мяса на выброс пойдет! Наука!

— Да понял я... понял...

— Тихо! — шикнул вдруг Антипий и замер. — Идет... видите?

Сначала я не увидел ничего. Все так же порывистый ветер гнал снежную поземку, крутил небольшие смерчи, ворочал маленькие ледяные глыбы.

— Вон!

Проследив за взглядом старого охотника, я увидел медленно катящийся снежный шар. Маскировка потрясающая — белоснежная шерсть с едва заметным желтоватым отливом. Чем-то похоже на шкуру матерого полярного медведя. Но на этом сходство заканчивается.

Всего две лапы. Зад волочится по земле. Голова без шеи, растет прямо из туловища. Глаз не видно, но по словам Антипия, они есть, хотя трудно назвать полноценными глазами пару черных бусинок. Звери подслеповатые, но нюх у них потрясающий. Именно поэтому мы залегли так, чтобы ветер был на нас.

Как же странно он двигался...

И до чего же чертовски странные у него лапы...

Я никогда в жизни не видел и даже представить не мог, что у живого существа могут быть телескопические лапы.

Медведь привстал, опираясь на короткие толстые мохнатые лапы. Огляделся. Мы затаили дыхание. Опустившись, зверь дернул когтистыми лапами. И, утончаясь, негибачущие лапы резко удлинились вчетверо! Вцепились длиннющими когтями в землю, медведь «сократил» лапы, подтянувшись на пару метров вперед. И повторил маневр, этаким необычным макаром приближаясь к источающей резкую вонь приманке.

Обалдеть...

— Готовьтесь! Парень! Ты первым пойдешь! Помни! В подмышку левую! Федор! Ты с другого бока! В брюхо не бить! — почти неразборчиво пробормотал Антипий, прикрывая рот ладонью.

— Понял.

— Сделаем.

— Ждем... ждем... только чтобы без промедления! Ждем... давай!

Вскочив, я подхватил рогатину и рванул вниз по склону навстречу к подползшему к копы и приподнявшемуся на удлинившихся лапах медведю. Пригорок невысокий. Но мне показалось, что я бегу целую вечность.

Шаг, другой, заметивший меня зверь поворачивает мощную башку, я вижу блестящие черные глазки, почти скрытые завитками шерсти. Вибрирующий рев угрожает, медведь разевает пасть...

Чуть приподняв рогатину, я направляю острие, слегка нагибаюсь вперед, как учил Антипий. И острие рогатины удивительно легко и глубоко входит в плоть.

Рев!

Обезумевший от боли медведь дергается на меня, поднимает лапу. Не выпуская древко, прыгаю в сторону, ворочая рогатину внутри дергающегося тела. Удар удлинившейся лапы проходит мимо.

— Федор! Бей, черт! Бей! Чего встал?! — слышится надсадный крик Антипия.

Еще шаг в сторону, дожимаю захрустевшую рогатину, стараясь расширить рану, выпустить как можно больше крови, чтобы ослабить зверя. Тот пытается отползти, упираясь лапами, толкая себя назад. Я иду следом, продолжая налегать на рогатину. Не отпущу!

— Федор! Твою мать! Федор!

Бросаю короткий взгляд. И вижу на вершине пригорка застывшую фигуру старика с рогатиной в руках. Чтоб тебя, Федор! Прав был Антипий — нельзя с кем попало ходить на охоту. Нельзя!

Рывок зверя. Вывернувшаяся из рук рогатина ударила по ребрам. Сбитый с ног, я покатился по земле, по снегу полоснула страшная лапа. Подскочив, прыгнул на рогатину и побежал по кругу, стараясь уйти от лап и одновременно заставить зверя повернуть ко мне. Получилось. Взбешенный медведь взревел так, что у меня волосы под фуражкой дыбом встали. Разинулась пасть... бросив рогатину, я рыбкой прыгнул в сторону. И в место, где я только что стоял, ударила резко пахнущая струя белой жидкости. Снег запузырился, начал таять. А я снова схватился за рогатину, в голос матеря труса Федора. Сейчас медведь меня... тяжелая голова зверя вздрогнула

и упала на грудь. Лапы сократились, туша ничком повалилась в снег и слабо задергалась. На спине медведя стоял тяжело дышащий Антипий, держащийся за глубоко вонзенное в спину копьё.

— Попал-таки в сердце, — охнул старик, усаживаясь и обнимая копьё. — Успел.

— Спасибо, — хрипло ответил я, опускаясь в снег. — Ох...

— Да. Это тебе не птичек из рогатки стрелять, — слабо улыбнулся Антипий. — А ведь мы малыша совсем завалили. Сколько в нем? Килограмм двести — двести пятьдесят, не больше. А сколько он нам хлопот доставил? Представь теперь зверя весом под тонну...

— Федор...

— Федор, — вздохнул сокрушенно охотник.

— Не трогай его, — попросил я. — Струсил он. С кем не бывает.

— А смысл его трогать? Вот если бы из-за его трусости медведь тебя бы порвал, я бы Федора здесь в снег и закопал, — дернул плечом охотник, в уголке рта появилась жесткая складка. — А так... пусть себе живет в тепле Холла и хлебает горячий супчик. Толку с него в охоте не выйдет.

— Оплошал он просто.

— Это не оплошка, парень. Если бы оплошал, замер бы на минутку всего, отмер бы и побежал на подмогу. А он так и стоит там столб столбом. С такого, как он, справного охотника не выйдет. Ну что? Свежевать будем?

— Конечно! Хочу знать об охоте все.

— Одобряю. Но здесь, снаружи, только пару надрезов сделаем, шкуру чуть снимем. Веревки к надрезам привяжем — и потащим по снегу домой. Там уже разделаем мясо.

— А тут что?

— Медведей приманивает запах крови червей. А червей...

— Запах медвежьей крови?

— Любой крови, кроме их собственной, — ответил охотник, доставая нож. — Эй! Федор! Отомри уже, черт ты старый! Сюда иди!

— Ох, натворил я дел... — донеслось прерывистое и скорбное с пригорка. — Ох, оплошал я... ох, ребятаки... ох и мудака же я...

— Ну хоть раскаивается, — буркнул охотник и рявкнул: — Да не бойся! Иди сюда! Бить не будем тебя, дурака старого! Дрова давай собирай!

— Насчет дров, — оживился я. — Это как?

— Черви.

— Что «черви»? Горят, что ли?

— Конечно! Да еще как!

— Да ладно...

— Ну почти, — усмехнулся Антипий. — Они как раки — раз в год панцири сбрасывают. При обильной кормежке могут и чаще шкуру менять. Вот шкура сброшенная нам и нужна — сухая, горит что уголь каменный, да еще и дыма с запахом, считай, не дает. И горит жарко и долго. Так-то вот.

— Вот это наука, — удивленно покрутил я головой. — А я все думал, что люди про дрова талдычат — тут ведь ни деревца не сыскать.

— Ну почему же, — возразил охотник. — Есть тут деревья. Мертвые, правда. Древние. Ты что думал, здесь Северный полюс, что ли? Раньше тут лес был. Как мне думается. Пока сюда вот эта тварь дивная не заявила, — рука с окровавленным ножом ткнула в Столп. — Если найдем еще одного охотника, выбиратья почаше станем. Сегодня вон как случилось, — Антипий бросил короткий взгляд на съжившегося Федора, понимающего, как сильно напорточил.

— Видать, не мое это, — пробубнил старик.

— Видать, не твое, — согласился Антипий. — Дрова собирай давай. Парень, ты тоже ему помоги. Дров немало понадобится, если хотим привратных жителей ужином сытным порадовать.

«Привратных» — мысленно повторил я. Еще одно прозвище жителей Холла. Меткое прозвище.

— Хотел посмотреть, как медведя разделывают, — кивнул я на тушу.

— Пока смотреть не на что, — качнул головой охотник. — Убили мы его аккуратно, желудок цел. Сейчас пару надрезов сделаю, пропустим веревки — и потащим домой. А вот уже там посмотришь, как я разделывать его стану. И помни, парень, — шкура, клыки и когти всегда принадлежат охотникам и делятся между ними. Это наше.

— Запомню.

— В Бункере мы снимем шкуру, вырежем желудок. И на этом наше дело закончено. Дальше они уже сами тушу разделают на части. Нам же по праву положены первые тарелки с едой. Потому как заслужили.

— Запомню и это. Я за дровами. Как их хоть искать-то? Как собирать?

— Во-о-от! — удовлетворенно протянул Антипий. — Не ошибся я в тебе. Не дурак ты. Эй! Федор! Стой, полудурок дряхлый! Чего делаешь?

Выпрямившийся Федор с удивлением глянул на охотника, отряхивая ладони от налипшего снега.

— Дрова ищу.

— Шкура червя шипаста! — проворчал охотник. — Как наткнешься в снегу ладонью — вмиг мясо до кости раздербанит! Думать надо! Думать! Без рук остаться хочешь?

— А как тогда...

— Как-как... — беззлобно передразнил Антипий. — Палками снег рыхли! Как найдешь — костяными щипцами цепляй — и в мешки из медвежьей шкуры складывай. Она толстая, ее не пробьет. Поняли?

Кивнув, я взялся за дело. Прошелся щупом по сугробам. Наткнувшись на что-то, разбросал снег и нашел кусок льда. Не страшно. Ищем дальше...

В Бункер мы вернулись через два часа. Замерзшие, задубевшие. Я и Антипий держались молодцом. А вот Федор окончательно сдулся, сник, едва передвигал ноги, не отрывая взгляда от земли и тяжело качаясь под мешком с дровами. Мне невольно стало жалко старика. Хотя из-за него мы все сегодня едва не погибли. Прав Антипий — такая добыча не для всех. Это не современная охота, где редко входят в ближний контакт со зверем. Бьют издалека. Из мощного оружия. А тут тяжелая рогатина в руках, и надо бежать прямо в оскаленную пасть медведя...

Встретили нас радостно. Еще бы. Притащили столько мяса...

Нас вмиг обступила толпа, загомонила. Люди шатнулись было ближе, но Антипий рыкнул — и толпа подалась назад. Еще один рык, и жители отступили еще на пару шагов, не сводя жадных взглядов с неподвижной туши. Пристально оглядев голодные лица, Антипий что-то проворчал и громко рявкнул:

— Чего пялитесь?! За дело беритесь! Вон дрова! Котел уже чист? А... вижу...

— Котел вычищен до блеска, — вперед шагнул тот самый старик, что сидел со мной на лестнице. — Воды натаяли, специи

приготовили, слабый огонь горит. Сейчас жара добавим. Не сомневайтесь, ребята! А ну, чая горячего охотникам! Живо!

Несколько человек подняли сшитые из обрывков медвежьих шкур мешки, утащили ближе к «гостевому» углу, где впритык со стеной была организована примитивная печь с дымоходом, уходящим наружу. На печи уже стоял старый котел из темного металла. Мне вот прямо интересно, где им удалось раздобыть такую махину. Котел литров на двести. Возможно, одна из находок?

Я вот тоже кое-что раздобыл интересное. Провел рукой по карману, убедившись, что не потерял найденный предмет. Кукла. Пластиковая кукла в обрывках платья. Руки и ноги на месте. Волосы почти все выпали. Лицо... уверен — это не земная кукла. Не из нашего мира. Сразу видно по чересчур выступающим надбровным дугам.

Нам чуть ли не торжественно вручили по кружке чая. Мне досталась жестяная, почти литровая. Хорошая вещь. Старая. Судя по всему, выпущена лет пятьдесят назад. И все эти годы о кружке заботились. Хлебнув, блаженно зажмурился. Вкусно. И даже сладковато. Стоя рядом со мной, Антипий тоже осторожно прихлебывал чай, задумчиво поглядывая на медвежью тушу у ног. Федор затерялся. Получил кружку и покинул круг, смешавшись с жителями. На полу остались рогатина и щуп для поиска дров. Он сделал правильный выбор.

Покинув центр круга, я сел за пустующий стол, сделанный из кусков дерева, пластика и жести. Согревая о кружку руки, потихоньку потягивал чай, ожидая, когда колыхающаяся толпа разойдется. Прошло минут пять, а народ и не думал расползаться по своим углам. Антипий рявкнул. И старички начали разбредаться. Я как раз допил чай и присоединился к опытному охотнику, что снова достал из самодельных ножен длинный нож.

Следующие полчаса я внимательно наблюдал за процессом снятия шкуры. Не только я — многие смотрели, взобравшись на этажи нар или встав на лавки. Наблюдали, но не подходили. Антипий управился быстро, не забывая тыкать ножом и объяснять, как правильно оттягивать шкуру, где подрезать, а где достаточно просто хорошенько потянуть кожу в сторону. Следом он вспорол мышцы брюшины, и наружу выпали внутренности. Охотник цепко глянул на меня. Глядя на кишки, я остался бесстрастен, продолжая наблюдать. Одобрительно хмыкнув, старик сделал еще пару

надрезов, и наружу величественно выплыла гигантская колбаса перетянутого в нескольких местах желудка. Вытащив ее полностью, Антипий облегченно выпрямился.

— Вот и все. Наши дела закончились. Остальное уже они сделают. Почаевничаем?

— С удовольствием, — кивнул я.

— Что покрепче будешь?

— Тут откажусь. С мороза еще не пришел в себя.

— Одобряю. Я тоже, пожалуй, только чайком обойдусь.

Усевшись, мы получили еще по кружке чая — даже просить не пришлось. Антипию еще подали мокрое полотенце, и он вытер руки. Я заметил, что вытирать особо и нечего было — охотник все проделал крайне профессионально, испачкав руки по запястья, не больше, а на одежде ни одной капли. Некоторое время мы молчали, смотря на сгрудившихся вокруг туши людей. Сверкали лезвия ножей, кто-то сердито покрикивал, женщины начали таскать куски мяса в тарелках, относя их к составленным около котла столам. У печи священнодействовал высокий седобородый старик, длинными щипцами умеща в нее «поленья». Весь Холл гудел, пребывал в голодном нетерпении.

Могу их понять. Кормят трижды в день, наливают щедро, но суп — это суп. Переваривается быстро, и снова приходит ощущение голода. Мясо куда сытнее. Хотя вряд ли большое количество пойдет на пользу стариковским желудкам. Но хотя бы крепкий бульон похлевать — уже дело.

— Спрашивай, парень, — предложил Антипий.

Еще один человек избегает называть меня Гниловозом. А я все так же не собираюсь менять прозвище на что-то более благозвучное. Равно как и говорить кому-либо, как меня зовут на самом деле. К чему?

— Как здесь житье-бытье? — спросил я с готовностью.

— Сам не видишь? По-разному. Но если в корень смотреть — что в Холле, что в Центре живут одинаково. Про Замок ничего не скажу. Бывал там лишь однажды. Да и то лишь на пару шагов дальше ворот пустили.

— Ого! И как там?

— Комната большая, — пожал плечами старик. — Столы, кресла. Гостиная, одним словом. Для тех, кого, как и меня, туда вызывают по какой-то надобности. Дальше гостиной только жители

Замка пройдут. Остальным — там стоп машина. Чаю поднесут. Меня даже кофе угостили, коньяка налили, конфет шоколадных предложили парочку.

— Царский прием, — удивился я.

Это на самом деле так. Очень щедро. Запредельно щедро по здешним меркам.

— Конфеты были вкусные, — неожиданно улыбнулся старик и причмокнул губами. — Не отказался бы еще разок таких поесть. Учти на будущее. Если вдруг угостит кто.

— Договорились, — улыбнулся я в ответ. — Но вряд ли кто мне предложит такую вкуснятину.

— Кто знает, — не согласился Антипий. — Меня ведь там не просто так угощали. Мясо кончилось. Вообще. Как мне сказали, оставалось немного жира, пара кусков старого мяса и сколько-то костей. На пару дней всему Бункеру.

Значит, мясо может закончиться. Еще одна зарубка в памяти. Выходит, в Замке нет животноводства? Растения там точно выращивают. Это видно по супу. И по чаю. А вот с мясом беда.

Будто прочитав мои мысли, Антипий усмехнулся:

— Наши аристократы легко обойдутся без всего здешнего люда. Кому нужны немощные старики с кучей болячек? Но вот без охотников им никуда, если поголовно не хотят стать вегетарианцами. Да и то не выйдет у них этот фокус — не хватит на всех. Ты готовься, парень. Скоро и тебя туда призовут. Еще пара-другая охот успешных — и обязательно позовут. Обласкают, нальют выпить, похвалят, конфеток на блюде преподнесут. А ты не отказывайся. Что предложат, понятно — чтобы на охоту ходил почаще, да все мясо в Замок доставлял. А они уж сами распределят, кому сколько и какой жирности.

— И зачем мне это? — задал я главный вопрос. — Почему все мясо им?

— А с них тоже немало приходит. Суп ведь не только из мяса готовится. Да и какие-то лекарственные травы они там растят. Без правильной организации Бункер долго не проживет. Все развалится. Тут без строгого контроля никуда. Вот мы притащили сегодня целую тушу в Холл. Если шкуры, потрохов и костей не считать — тут полтораста кило жирного мяса. Чтобы сделать супа на всех привратных — за глаза хватит пятидесяти кило. Это чтобы прямо

хорошо и сытно покушать. Но ты поверь — они пихнут в котел всего медведя! Два раза готовить будут. Обожрутся до безобразия. И на завтра не оставят ничего. Разве что пару костей, не до конца обглоданных. Такие вот здешние людишки. Такая вот здешняя натура человечья. Смотри! Им не подражай! Мой тебе совет — всегда оставайся немного голодным. До изумления не наедайся и не напивайся! Чай — вот чайку можно пить от души. Это полезное баловство. Все остальное только к беде приведет. Станешь ленивым, перестанешь чем-либо интересоваться. Будешь лежать на нарах и ждать, когда ужин или завтрак подадут. Похлебаешь — и опять на нары. Так вот вся жизнь и пройдет.

— Большое спасибо за добрый совет, — с благодарностью склонил я голову. — Хм...

— Чего хмыкаешь?

— Ну позовут они меня. Попросят почаще на охоту ходить. И чтобы мясо в замок доставлять.

— Все так.

— Но лично мне-то это зачем? — спросил я прямо. — Моя выгода в чем? Охотники рискуют жизнью. Не на кроликов охотимся ведь. И что получают взамен? Ничего?

— Ну почти. Вот мы шкуру забрали, верно?

— Ага.

— Вот эту шкуру можешь в Замок отнести. И ее купят. Или поменяют на что-нибудь полезное. А шкура — это наша добыча, охотничья. Никто на нее претендовать не может. Как и на когти с клыками. Если шкуру продавать не хочешь — тебе ее выделают, будет шикарная постель. Или куртку со штанами сошьют. Как у меня.

— Вещи у вас знатные, — согласился я.

Старик был облачен в меховой комбинезон, сверху короткая куртка с капюшоном. Рукавицы, сапоги, крепкий широкий ремень. Идеально для здешних погод.

— Могут и спальный мешок сделать, — добавил дед. — Если вдруг вьюга накроет далеко от дома — только он и спасет! Правда, тяжеловат, чтобы каждый раз с собой таскать, но ты мужик крепкий — не переломишься.

— Согласен, — кивнул я. — А палатку могут сделать?

— При вьюге ее вмиг сорвет и унесет! Пробовали уже. И она втрое тяжелее спального мешка. Хотя у меня есть легкие костя-

ные санки. И лыжи есть. При умении с собой что угодно утащить можно. Вот только зачем? С собой брать только необходимое надо.

— Ясно...

— В общем — в Бункере к охотникам отношение особое. Мы в приоритете. Но даже не реши ты стать охотником — тебя все одно туда позовут.

— И почему на этот раз?

— А потому что молодой, сильный и даже не тупой. Вот почему. Еще хочешь что спросить? А то спать хочется. Давно такого не было. Глаза слипаются. Слабость. А еще на верхотуру мою подниматься.

— Спросить... Как далеко от Бункера отходили?

— Посылали как-то к соседям. Три дня туда. Три дня обратно. Торговые связи налаживали. Заодно ихних туда отвели, наших сюда доставили. По пути нас едва черви не сожрали во время ночлега. А так обошлось. Даже с мишками повоевать не пришлось. Еще немало раз выходили на поиски всякой техники, что повсюду здесь разбросана. Водил я пятерых из Замка. Назад едва дотаскивали собранное.

— А как соседей-то называют?

— Смеяться будешь. Но они свое поселение называют Термук. А на наш это переводится как Бункер. Смешно?

— На самом деле смешно, — фыркнул я.

— Вот-вот. Мы их Теремком называем. Созвучно.

— И далеко они от нас?

— Сказал же — три дня пути.

— А в километрах-то сколько?

— Да километров сорок. Не больше. Расстояния тут не слишком большие. Вот только из стариков ходоки никудышные. Особенно если вместо дорог чистое бездорожье. Пойду я, парень. Что-то потрясывает меня. Надо поспать.

— Спасибо за науку, Антипий!

— Тебе спасибо. То ли еще впереди — многому научу.

— Я вам принесу бульон и мясо.

— Сделай доброе дело. На веранде оставь, ладно? Не люблю, когда сон мой тревожат. А завтра поболтаем.

— Конечно! Помочь вещи поднять?

— Да я сам. Не привыкать. Ты из меня старого пердуна не делай. Сил полно еще.

— Понял. Последний вопрос — со шкурой и желудком что делать?

— Твои они, парень. Первая добыча свята. Так что сам разбирайся.

Старик ушел. А я снова опустился за стол и, допивая чай, наблюдал за всеобщей суетой. Пришли даже жители Центра, осторожно спускаясь по лестнице, неся с собой пустые тарелки. Пара «привратных» хотела им что-то сказать, и явно недоброе, но успевший подняться под потолок Антипий предупреждающе рыкнул, и центровым больше никто не посмел мешать. Еще одно доказательство силы охотничьего слова. Это каста. И каста влиятельная, причем важная даже для запертого Замка.

Меньше чем через час от туши не осталось ничего. Всю растащили по кусочкам. В котел полетели кости — для дополнительного навару. Как по мне, это уже зря — могли бы приберечь. И так чересчур жирно получается. Студень. Холодец. Но вмешиваться я не стал. Прав был Антипий — здешние живут одним днем. Учитывая их возраст и условия жизни — это даже разумно.

Заметил, что на меня уже перестали постоянно поглядывать — раньше моя молодость вызывала всеобщее внимание. Теперь я примелькался. Стал одним из них. Одним из жителей Бункера. Охотник Гниловоз. Сильный, молодой и даже не тупой.

Что дальше?

Захотелось прочитать пару глав из лежащего в комнате «Графа Монте-Кристо». Этот роман стал для меня чуть ли не инструкцией. Побег я совершил. Что следующее? Вряд ли мне светит получить большой клад в наследство от аббата Фариа. К тому же Красный Арни не умер, а переехал в Замок. Вспомнились скопированные мной зашифрованные записи, переданные для Арни умирающим Костей. Что в них? Так пока и не взялся за них.

Шкура...

Желудок...

Повозившись, уляпавшись в крови, сделал большой мохнатый сверток. Привязал оставленную Антипием веревку. И потащил поклажу сначала к лестнице, а затем выше, оставляя за собой кровавый след. Проклятье... как-то все непродуманно.

— Не волнуйся, охотник! — заметили мое замешательство. — Подотрем! Тащи добычу! И спасибо!

Вот и признание. Махнув рукой, попер дальше. Протащил через коридор Центра, здороваясь со спешащими на ползущий с Холла мясной запах центровыми, миновал центральное помещение. И остановился у наглухо закрытых ворот. Тут меня встретили охранники. Поглядели одобрительно, кивнули понимающе. Мне даже спрашивать ничего не пришлось — один из охранников ненадолго нырнул в небольшую дверцу, врезанную в ворота, и вскоре вернулся в сопровождении пары стариков.

— Молодец, охотник. Молодец, — протянул мне руку самый старший.

Ответив на рукопожатие, я удивился — очень уж крепким оно было. Как в тисках рука побывала. Что же здесь за старики такие могучие попадают?

— Продашь или выделать хочешь? — второй оказался более деловитым.

— Смотря что предложите, — улыбнулся я.

— А что хочешь?

— Я в расценках пока не силен. И ассортимент не знаю, — развел я руками.

— Хороший нож тебе пригодится? Стальной, острый как бритва. Охотничий, одним словом. В ножнах. К ножу ремень. Ну и пару рукавиц добрых. Что скажешь?

— По рукам, — кивнул я.

— Держи.

Товар оказался сразу за дверью, и через пару секунд я держал в руках длинный нож и рукавицы.

— Желудок целый. За него что хочешь?

— М-м-м... — замялся я.

Что просить за переполненную зловонную колбасу?

— Чтиво какое-нибудь найдется? — пришло мне на ум.

— Детектив сойдет? Но без обложки. Ее кожаным переплетом заменили. Автор — Чейз.

— Сойдет!

— Держи. И вот тебе еще в награду десяток талонов. Еще кусок мыла. Молодец! Правильный путь выбрал! И общине легче, и тебе занятие путевое. Молодец!

И снова товар оказался у меня удивительно быстро. Рассчитавшиеся старики вытащили пленку, без моей помощи переложили на